

Для них

Это не была любовь с первого взгляда.

Теперь я могу это признать. Но под конец я полюбила ее больше, чем, думаю, можно любить другого человека. Я заботилась о ней больше, чем когда-либо заботилась о самой себе. Вот почему я это сделала. Почему должна была. Думаю, людям будет важно узнать это, когда они обнаружат, что я натворила. Если обнаружат. Возможно, тогда они смогут понять, что я сделала это для нее.

Быть и чувствовать себя одиноким — две разные вещи; можно скучать по человеку, находясь рядом ним. В моей жизни было много людей: семья, друзья, коллеги, любовники. Полный набор подозрительных лиц, которые образуют круг общения, только мой круг имел одну особенность. Все отношения, в которые я вступала с другими людьми, воспринимались мной не как реальные, а скорее как серия неудачных связей.*

* Отсылка к фильму «Подозрительные лица» (англ. The Usual Suspects — «Обычные подозреваемые») — независимый детективный кинофильм 1995 года режиссёра Брайана Сингера в жанре неонуар. Широко признан одним из стилиобразующих фильмов 1990-х годов. Здесь и далее прим. перев.

Люди могут знать меня в лицо, они даже могут знать мое имя, но они никогда не узнают меня настоящую. Этого не знает никто. Я всегда держала при себе подлинные мысли и чувства; я не делюсь ими ни с одним человеком. Потому что не могу. С одной из моих ипостасей только я сама могу быть наедине. Иногда мне кажется, что секрет успеха заключается в способности приспособливаться. Жизнь редко стоит на месте, и мне часто приходилось перекраивать себя, чтобы не отставать. Я научилась менять внешность, жизнь... даже голос.

Я также научилась вписываться, но от постоянных стараний теперь испытываю не только дискомфорт, но и боль. Потому что все равно не вписываюсь. Я сглаживаю свои внутренние острые углы и стираю наиболее явные различия между нами, но я не такая, как вы. На планете свыше семи миллиардов людей, и тем не менее каким-то образом я умудрилась прожить жизнь, чувствуя себя одинокой.

Я теряю разум, и не в первый раз, но здравый смысл можно часто терять и находить. Люди скажут, что я сломалась, сбилась с пути, сорвалась. Но когда пришло время, это — без сомнения — оказалось правильным. После этого я почувствовала удовлетворение и захотела повторить.

У каждой истории есть как минимум две стороны:
Ваша и моя.

Наша и их.

Его и ее.

Это значит, что кто-то всегда лжет.

Ложь, которую повторяют достаточно часто, начинает казаться правдой, и мы все иногда слышим внутренний голос, говорящий такие шокирующие вещи, что притворяемся, будто не имеем к ним отношения.

Его и ее

Я точно знаю, что слышала в тот вечер, когда ждала на станции ее последнего приезда домой. Сначала отдаленный звук поезда был таким же, как обычно. Я закрыла глаза и словно услышала музыку, ритмичную песню бегущих по рельсам вагонов, которая становилась все громче и громче.

Стук-постук. Стук-постук. Стук-постук.

Но затем звук стал меняться, превращаясь в моей голове в бесконечно повторяющиеся слова, которые больше нельзя было не услышать:

Убей их всех. Убей их всех. Убей их всех.

ОНА
Анна Эндрюс

Понедельник 06.00

Понедельник всегда был моим любимым днем.

Шансом начать все заново.

Относительно чистой грифельной доской, где все еще видна пыль твоих прошлых ошибок, которую стерли, но не до конца.

Понимаю, что мою любовь к первому дню недели вряд ли разделяют многие, но у меня полно таких непопулярных пристрастий. Я смотрю на мир немножко под углом. Когда с детства занимаешь в жизни самые дешевые места, без труда видишь, что происходит за марионетками, танцующими на ее сцене. Если разглядеть нитки и того, кто их дергает, нелегко наслаждаться остальным представлением. Теперь я могу позволить себе сидеть, где хочу, и выбирать любой понравившийся мне ракурс, но из нарядных театральных лож хорошо только смотреть вниз на других людей. Но я так никогда не буду делать. Если мне не нравится оглядываться назад, это не означает, что я не помню, откуда я. На свой билет я заработала тяжелым трудом, и меня по-прежнему устраивают и дешевые места.

По утрам я не трачу много времени на то, чтобы привести себя в порядок: нет никакого смысла делать макияж, когда потом на работе с тебя сотрут его и начнут заново накладывать грим, — и не завтракаю. Я вообще ем немного, но люблю готовить для других, как настоящая кормилица.

Быстро захожу на кухню — надо взять контейнер фирмы «Таппервер» с домашними капкейками для моих коллег. Смутно помню, что испекла их. Было поздно — точно после третьего бокала чего-то сухого и белого. Я предпочитаю красное, но оно оставляет красноречивый след на губах, и я приберегаю его для выходных. Открыв холодильник, замечаю вчерашнее вино и выпиваю остаток прямо из бутылки, а потом беру ее с собой, уходя из дома. По понедельникам у меня забирают мусор. Мусорный контейнер набит доверху, что удивительно для одиноко проживающего человека. В основном стеклом.

Мне нравится идти до работы пешком. В это время дня на улицах почти никого, что меня успокаивает. Перехожу через мост Ватерлоо и петляю по Сохо в сторону площади Оксфорд-Серкус, слушая программу *Сегодня*. Я предпочитаю слушать музыку, возможно, немного Людовико или Тейлор Свифт в зависимости от настроения — это две разные стороны моей личности, — но вместо этого терплю слащавые голоса, вещающие для британского среднего класса о том, что, с их точки зрения, я должна знать. Эти голоса все еще режут мой слух, хотя у меня такой же. Но я не всегда так говорила. Почти два года я веду на «Би-би-си» *Дневные новости* и до сих пор чувствую себя обманщицей.

Останавливаюсь у расплющенного картонного ящика, на который с недавнего времени начала обращать внимание. Вижу торчащую сверху прядь светлых

волос — значит, она еще здесь. Я не знаю, кто она, только знаю, что могла быть ею, сложись моя жизнь по-другому. Я ушла из дома в шестнадцать лет, потому что чувствовала, что должна. Я делаю то, что собираюсь, не по доброте, а из-за сбившегося с курса морального компаса. По той же причине в прошлое Рождество я работала волонтером на полевой кухне. Мы редко заслуживаем ту жизнь, которую ведем, и расплачиваемся за нее чем можем, будь то деньги, вина или сожаление.

Я открываю пластмассовый контейнер и кладу один из моих тщательно украшенных капкейков на тротуар, между картонным ящиком и стеной — так она увидит его, когда проснется. Затем, боясь, что ей может не понравиться шоколадная глазурь или она не оценит ее — а вдруг у нее диабет, — достаю из кошелька купюру в двадцать фунтов и подкладываю под капкейк. Я не против, если она потратит мои деньги на выпивку, я же покупаю.

Радио-4 продолжает меня раздражать, и я выключаю последнего политика, вращающего мне в уши. Много раз отрепетированный обман не вяжется с образом реальных людей с реальными проблемами. Я никогда не произнесу это вслух или в эфире во время интервью. Мне платят за беспристрастность, независимо от того, что я чувствую.

Может быть, я тоже лгуныя. Я выбрала эту карьеру, потому что хотела говорить правду. Хотела делиться наиболее животрепещущими историями, теми, которые, по моему мнению, людям надо услышать. В надежде, что эти истории смогут изменить мир и сделать его лучше. Но я была наивной. Люди, работающие сегодня в СМИ, имеют больше власти, чем политики, но что хорошего в попытках говорить правду о мире, ког-

да я не в состоянии честно рассказать собственную историю: кто я, откуда и что сделала.

Я прячу свои мысли, как всегда. Запираю в безопасный секретный ящик внутри моей головы, запикиваю в самый дальний, темный угол и надеюсь, что они не скоро вновь убегут оттуда.

Прохожу еще несколько улиц и приближаюсь к Телецентру. Затем роюсь в моей дамской сумочке в поиске служебного пропуска, который, как всегда, куда-то запропастился. Но вместо пропуска мои пальцы находят одну из маленьких жестяных коробочек с мятыми леденцами. Коробочка гремит в знак протеста, когда я открываю ее и кладу в рот крошечный белый треугольник, словно это таблетка. Лучше, чтобы до утреннего совещания от меня не пахло вином. Я нахожу пропуск и вхожу в стеклянную вращающуюся дверь, чувствуя, что несколько пар глаз смотрят в мою сторону. Все нормально. Я довольно хорошо изображаю ту версию себя, которую, как мне кажется, привыкли видеть люди. По крайней мере, снаружи.

Я знаю всех по именам, включая уборщиков, еще подметающих пол. Почти ничего не стоит быть добрым, и у меня очень цепкая память, несмотря на пьянство. Пройдя контроль безопасности — немного более тщательный, чем обычно, — все благодаря состоянию мира, которое мы себе обеспечили, — пристально смотрю вниз на отдел новостей и чувствую себя как дома. Хотя отдел находится на цокольном этаже здания «Би-би-си», его видно с каждого этажа — он напоминает ярко освещенный красно-белый муравейник с открытой планировкой. Почти все имеющееся пространство заставлено экранами и заваленными бумагами столами, за каждым сидит представитель разношерстной компании журналистов.

Эти люди не просто коллеги, они моя неблагополучная суррогатная семья. Мне почти сорок лет, но у меня больше никого нет. Ни детей. Ни мужа. Никого. Я работаю здесь почти двадцать лет, но, в отличие от тех, у кого есть дружеские или семейные связи, начинала с самого низа. По дороге мне пришлось несколько раз идти в обход, и путь к успеху был нередко вымощен скользкими булыжниками, но в конечном итоге я пришла туда, куда хотела.

Терпение — ответ на очень многие вопросы, которые задает нам жизнь.

Счастливый случай улыбнулся мне, когда ушла бывшая ведущая программы. У нее начались схватки на месяц раньше срока — за пять минут до дневного выпуска новостей. У женщины отошли воды, а ко мне пришла удача. Я сама только что вернулась из декретного отпуска — раньше, чем планировала, — и на тот момент была единственным корреспондентом в отделе новостей, имеющим хоть какой-то опыт ведения программ. Весь мой опыт был приобретен во время сверхурочных ночных дежурств: в эти смены никто другой не хотел работать — до такой степени я хваталась за любую возможность, которая способствовала бы моей карьере. Вести новости — об этом я мечтала всю свою жизнь.

В тот день на поход к парикмахеру и стилисту не было времени. Они примчались ко мне на съемочную площадку и сделали что смогли — пудрили мне лицо и одновременно прикрепляли микрофон. Я упражнялась в чтении заголовков на телесуфлере, и режиссер в моих наушниках был спокоен и добр. Его голос придавал уверенность. Я очень мало что помню о той первой получасовой программе, но хорошо помню последовавшие за ней поздравления. Меньше чем за час из

пустого места в отделе новостей я превратилась в телеведущую.

Моего начальника за его слегка горбатой спиной зовут Тощим инспектором*. Он маленький человек, которого загнали в тело высокого мужчины. У него дефект речи — не выговаривает букву Р, и никто в отделе новостей не воспринимает его всерьез. Он никогда не был силен в заполнении пробелов в графике дежурств и поэтому после моего успешного дебюта решил оставить меня на замене до конца недели. А потом и на следующую неделю. Трехмесячный контракт в должности ведущей — вместо моей штатной должности — перерос в шестимесячный, а потом был продлен до конца года с небольшим, но приятным повышением зарплаты. Когда я стала вести программу, зрительский рейтинг повысился, и мне разрешили остаться. Моя предшественница так и не вернулась; она снова забеременела, будучи в декретном отпуске, и после этого на работе ее больше не видели. Почти спустя два года я по-прежнему здесь и жду, что мой последний контракт будет перезаключен в любой момент.

Я сажусь на свое место между редактором и ведущим продюсером, затем вытираю стол и клавиатуру антибактериальной салфеткой. Никто не знает, кто мог сидеть здесь в ночную смену. Отдел новостей никогда не спит, и, к сожалению, не все сотрудники соблюдают гигиену в той же степени, что и я. Открываю сетку вещания и улыбаюсь — все еще немного трепещу при виде моего имени в начале списка:

Телекомментатор: Анна Эндрюс.

* То щ и й и н с п е к т о р — персонаж детского мультипликационного сериала «Томас и его друзья».

Я начинаю писать вступления для каждой истории. Несмотря на распространенное мнение, ведущие не просто *читают* новости, мы их еще и пишем. Или, по крайней мере, так делаю я. Телекомментаторы, как и обычные люди, бывают всех форм и размеров. Кое-кто так задрал нос, что меня поражает, как они вообще еще могут усидеть на месте, не говоря уже о том, чтобы читать телесуфлер. Страна бы ужаснулась, узнав, как некоторые так называемые национальные достоинства ведут себя за кадром. Но я не буду рассказывать. Журналистика — это игра, где карьеристов больше, чем карьерных лестниц. Пока заберешься наверх, пройдет много времени, и одно неосторожное движение может вернуть тебя обратно на дно. Против системы не попрешь.

Это утро похоже на любое другое: непрерывно меняющаяся сетка вещания, разговоры с корреспондентами на местах, обсуждения с режиссером графики и экранов. Рядом со мной почти всегда очередь из репортеров и продюсеров, которые ждут, когда можно будет поговорить с редактором. Чаще всего они просят продлить их телевизионный сюжет или репортаж с включением студии.

Каждый хочет лишь чуть больше времени.

Я совсем не скучаю по тем дням: упрашивать, чтобы тебе дали эфир, и без конца раздражаться, когда ты его не получил. На каждую историю просто нет времени.

Остальная часть группы ведет себя необычайно тихо. Я бросаю взгляд влево и вижу на экране продюсера последнюю версию расписания дежурств. Она закрывает ее, как только замечает мой взгляд. Расписания дежурств стоят на втором месте после экстренных сообщений в списке факторов, повышающих уро-

вень стресса в отделе новостей. Они обнародуются поздно и редко воспринимаются с одобрением, причем распределение самых непопулярных смен — вечерних, выходных и ночных — всегда вызывает разногласия. Теперь я работаю с понедельника по пятницу и больше полугода не брала ни отпусков, ни отгулов, так что, в отличие от моих несчастных коллег, мне нечего беспокоиться из-за расписания.

За час до программы иду в гримерную. Это укромное место, здесь относительно спокойно и тихо по сравнению с постоянно бурлящим отделом. Мои каштановые волосы с коротким бобом аккуратно уложены феном, на лице — основа для грима высокой степени разрешения. На работе на мне больше макияжа, чем было на свадьбе. От этой мысли я ненадолго ухожу в себя и трогаю след от кольца на пальце.

Программа в основном идет по плану, несмотря на несколько изменений в эфире, сделанных в последнюю минуту, — пару экстренных сообщений, задержку с телевизионным сюжетом, камеру, снимающую по собственному усмотрению, и сомнительную подачу материала из Вашингтона. Я вынуждена свернуть чересчур восторженного политического корреспондента с Даунинг-стрит, одного из тех, кто регулярно занимает больше отведенного им времени. Некоторые люди слишком сильно любят звук собственного голоса.

Летучка начинается, пока я еще в студии — жду, чтобы попрощаться со зрителями после прогноза погоды. После программы никто не хочет задерживаться без надобности, и поэтому всегда начинают без меня. Это собрание корреспондентов и продюсеров, работавших над выпуском, с участием представителей других отделов: внутренних новостей, зарубежных новостей, редакции, графики и т. д., а также Тощего инспектора.